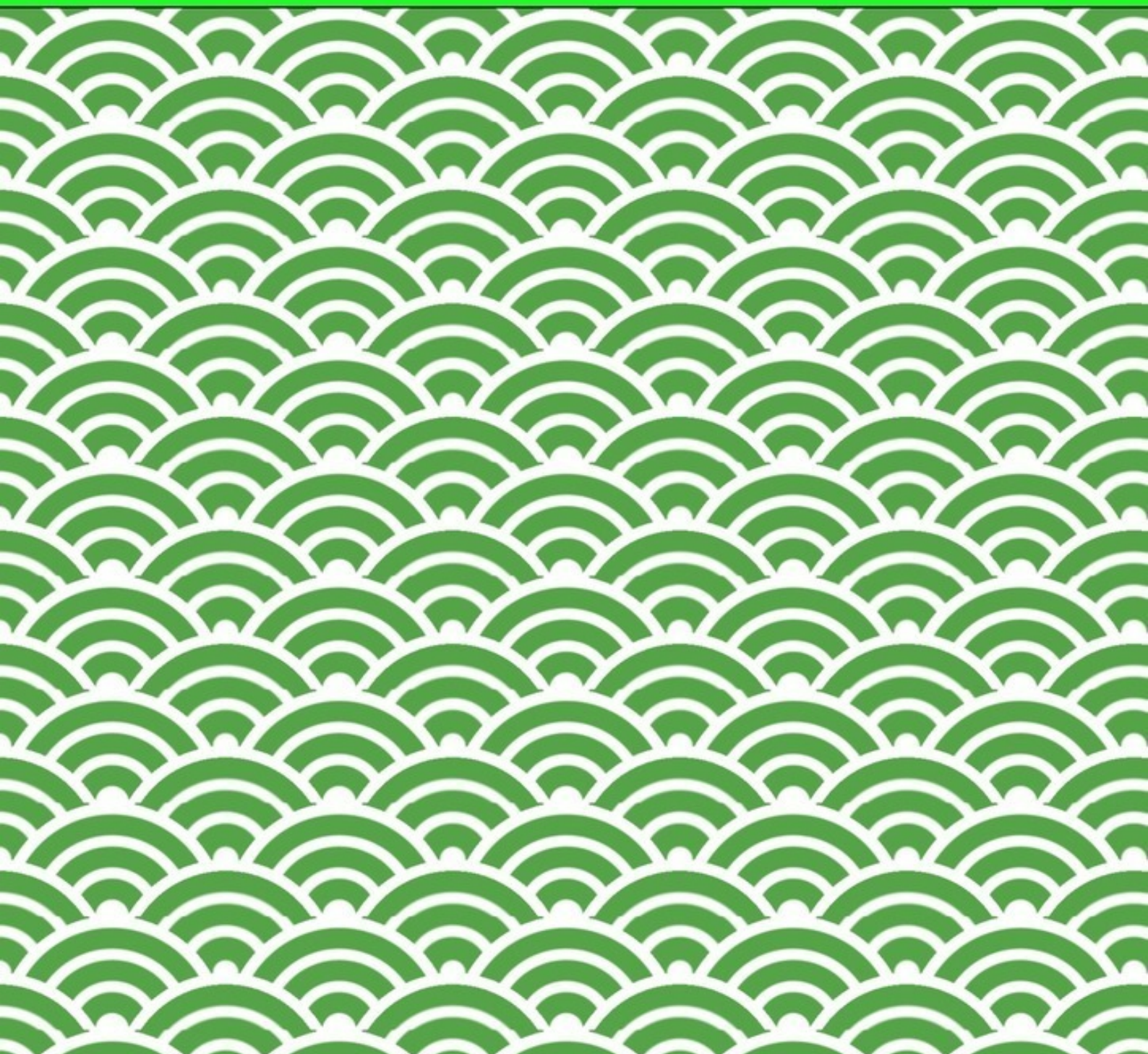

Владимир Печников

Про арбузы

Владимир Печников

Про арбузы

«Издательские решения»

Печников В.

Про арбузы / В. Печников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836236-1

Вот уже более пятнадцати лет, как я живу в деревне и нахожусь в состоянии повседневной работы во славу крестьянского хозяйства. Теперь, уже являясь непосредственным ведущим участником деревенской жизни, я, человек совершенно посторонний, до сих пор не могу объяснить самому себе этой непрерывной тяги к труду на земле.

ISBN 978-5-44-836236-1

© Печников В.
© Издательские решения

Содержание

О книге	6
Вместо предисловия	7
Глава первая	8
Глава вторая	18
Глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Про арбузы

Владимир Печников

© Владимир Печников, 2017

ISBN 978-5-4483-6236-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О книге

Вот уже более пятнадцати лет, как я живу в деревне и нахожусь в состоянии повседневной работы во славу крестьянского хозяйства. Теперь, уже являясь непосредственным ведущим участником деревенской жизни, я, человек, в недавнем времени совершенно посторонний, до сих пор не могу объяснить самому себе этой непрерывной тяги к труду на земле.

На основании пережитого, хочу представить в своей книге небольшие заметки на тему: Основные особенности существования в условиях деревенской жизни. Иногда, конечно, с некоторой иронией.

Вместо предисловия

Каждый человек хочет от жизни каких—то прекрасных мгновений, которые будут помниться на протяжении всего дальнейшего существования. Об этом совсем не стыдно будет рассказывать родным и знакомым. А когда повседневная рутинная суeta начнет поглощать в свои сети, то можно запросто опереться на то лучшее и то светлое, которое, несомненно, облегчит жизнь тебе и окружающим тебя людям.

Красота, раздолье, немыслимое великолепие окружающего пространства, чарующие звуки и отголоски живой природы, разнообразие удивительных красок, с непередаваемыми ароматами! Вот вам и деревня, где ландыши, соловьи, очаровательные рассветы, умопомрачительные закаты и, наконец, чистый воздух и вода. Всё это, в своей совокупности многообразия манящей прелести, без всякого сомнения, влечет любого из нас в удивительный мир первозданного удовольствия, в самое сердце волшебной сказки. Там, конечно же, сбываются любые желания, и может даже невыполнимые мечты. Вот-вот, и так далее... до самой до бесконечности. Но есть одно не удаляемое но. Ведь все это природное восхищение я вижу с постоянно поднятой задницей на огороде. Вернее, именно она всем восхищается и это просто необходимое условие, предназначенное для того, чтобы заработать какую-то копейку для непродолжительного отдыха на той же природе. Встанешь утром на рассвете, откроешь дверь – сразу же попадаешь в чудесный портал, через который неотвратимо перенесёшься в благоухающий мир Божьего творения. Пробежит незаметно день, наполненный, насыщенный, утрамбованный, набитый до отказа. Заползешь на четвереньках в долгожданную, милую, родную хату и... истинно возрадуешься:

– Слава Богу! День прошёл!

Хоть и хотел бы, но не до песен тут, не до стихов! Напорешь голодное брюхо до невозможного отказа всем, что есть на столе, и завалишься храпеть до первых петухов.

Глава первая

Не перестаю удивляться, на что способна наша матушка природа, какими бескрайними возможностями и умопомрачительными силами она, казалось бы, бесконечно обладает?! Вот оно – маленькое арбузное семечко. Это махонькое, крохотное, беззащитное Божие творенье попадает однажды в землю, где происходит неопишуемой важности таинство. Совершаются удивительные, очаровывающие своим неповторимым совершенством и неподкупным великолепием, чудеса. Лето засушливое было, как никогда. Всего-то пару раз дождик помочил, да и то не очень правильно. Но семечко проросло в не совсем плодородной почве, появился корешок, который верно, направленно и целеустремленно помчался прямо к центру земли, обходя все возможные препятствия, в поисках надежного поставщика, необходимой для роста и развития влаги. Говорят основательно уходит в глубь нашей родимой земельки главный орган арбузного счастья, а в засушливые года и того на много глубже.

На полу-песчаной поверхности, со всё нарастающими оборотами, стремительно уходят в стороны, прибавляющие в росте (каждый день по сантиметру), кудрявые, словно только что снятые с бигудей, сочные ярко-зелёные плети. Усики усиленно цепляются за любые преграды, попадающиеся на не простом пути следования и, конечно, способствуют скорейшему продвижению побегов по окружающему пространству. Совсем немного времени проходит, и вот тебе, пожалуйста, откуда не возьмись – целая плантация маленьких, нежных и жёлтых соцветий, придающих зелёному фону огромного природного ковра утонченную душу неизвестного художника: изыск, совершенство и душевное равновесие.

Кое-где можно найти маленькие, кругленькие и полосатенькие арбузики, которые только что народились. Они тут же целеустремленно и уверенно стали прибавлять в росте и в весе, причем не по дням, а по часам. Осень не заставила себя долго ждать. Она незамедлительно принесла нам в дар за тяжелые, добросовестные и кропотливые труды удивительное зеленое, большое и полосатое чудо с розовой сочной и сладкой мякотью, то самое божественное создание, предназначенное для направленного наслаждения всех человеческих органов чувств.

Пробежало лето, пролетело. Но, нет промчалось, как никогда. С каждым годом этот неподкупный бег всё наращивает и наращивает свои бескомпромиссные и никого не щадящие обороты. А мы в такт ускоряющегося в наших мыслях, издающих стареющим мозгом, процесса миротворения бежим, бежим и мчимся сами за собой в надежде догнать собственную тень. Никуда от этого явления не деться. Ведь так устроен человек – главная ошибка природы, которая выделила очень-очень мало времени своему созданию для своего же осознания.

Порой просто необходимо, хотя бы на чуть-чуть задержаться на повороте, ускоряющих темп событий, чтобы искренне проникнуться душой и телом, мыслями и чувствами, сознанием и рассудком до самой глубины, до самого дна, до самой бесконечности, окружающего нас настоящего и действительного момента, именно который и руководит всей нашей жизнью, но которого мы как-то не признаем, не видим, а иногда даже презираем.

Утренняя прохлада осени... года.

Ох, уж это бабье лето! Такое очаровательное и обворожительное, такое умопомрачительное и бесподобное. Налетело бурно и внезапно! Легко, непринужденно и беспощадно вскружило всем без исключения головы! Окружило своими неповторимыми и не передаваемыми красками всех цветов радуги. Обложило непредсказуемым шармом своей удивительной, ни с чем несравнимой и обожаемой природой. С нескрываемой искренней нежностью

и безответной любовью бросило к нашим ногам всю свою душу, все голоса, все незабываемые ароматы навсегда уходящего лета.

Утренняя прохлада, сквозь упавшую на грешную землю дымку тумана, бесшумно заползла в ветхий вагончик, который одиноко стоял на опушке сосновой полосы. Эта самая прохлада, недолго думая, стала верно и направленно проникать под одеяло, лежащего под ним человека. Это означало, что наступило не совсем долгожданное утро.

В искривленных извилинах, изможденного алкогольным бомбометанием мозга тридцатипятилетнего молодого мужчины, начали скромно, шаг за шагом, проблескивать долгожданные, просто необходимые в данном случае искры слегка размытого и нечеткого разума. Мысли не очень скоро стали приобретать законные правильные очертания, принося тем самым смысл существования окружающего нас мира. Из центрального штаба головного мозга напористо четко и нагло начала поступать угнетающая информация о пьяном беспределе, совершенном накануне вечером, о бесполезно проведенном времени, о беспутстве, бессовестности и других гадостях, совершенных в неадекватном состоянии.

– Ничего не поделаешь... Что сделано, то сделано. – подумал Владимир, отодвигая трепыхающимися, наверное от волнения пальчиками родное разноцветное одеяло. – Но, не дай Бог, дед Кондратий в гости незвано зайвится.

Володя, предчувствуя, даже предвкушая этот непрощенный визит, очень осторожно и нежно приложил свою ладонь в ту область тела, где, по его мнению, должно было находиться сердце.

– Бляха муха, блин горелый, твою мать! – непрерывно раздавалось из пересохшей плотки.

Сердце тоже хотело выкрикнуть в унисон те же самые слова, но вовремя вспомнило, что, к большому сожалению совсем не умеет разговаривать. Чтобы выразить свое отношение к своему же омерзительному существованию в данном организме, сердце учащенно круто и беспощадно билось под рукой своего гадского хозяина. Гадский хозяин еще больше, чем было до этого, помрачнел. От вражески нападающей зеленой тоски, от этого мысленного нагнетания и так уже напряженной обстановки моментально поднялась температура. В связи с этим, конечно же, усилилось потоотделение. Свежие капли влаги, выступающие повсеместно на пропитой коже, можно было запросто и незатейливо собирать, будто березовый сок в весеннюю пору.

Кроме всего прочего, можно было бы еще перечислять и перечислять все остальные недомогания, которые так внезапно, самое главное неизвестно из-за чего, навалились на больную голову нашего героя. Из всех напастей, обрушившихся на Володю в это раннее и хмурое утро, хотя было видно по всему, что день предстоит просто прекрасным и солнечным, более всего и очень даже настойчиво беспокоила, давила и не давала покоя, намертво устоявшаяся во рту сухость. Из-за этого непонятного явления, невозможно было провести никаких действий не только языком, но даже головой. Губы скрючились в каком-то знакомом ожидании в виде очень неправильной восьмерки. Восьмерка временами переходила то в шестерку, то в семерку, а иногда и в ноль.

Володя выполз из вагончика, затем медленно, очень медленно, очень-очень медленно привстал на коленки и, пошатываясь, нашел то самое, необходимое в данный момент, нужное положение тела. Затем он приподнял больную голову высоко к небу.левой рукой, держась за место, где должны были быть ум с честью и совестью нашей эпохи, правой рукой он стал хаотично и неистового наносить на свое туловище кресты, моля при этом все высшее о снисхождении и пощаде. Воззвания к небесам были бессвязными, непонятными, имеющие особую и причудливую форму, выливающиеся в нелепое бормотание:

– Господи! Господи! Го-о-о-споди-и-и! Прости Господи меня грешного! – С большим усилием воли, стоя на коленях, произносил наш больной товарищ. – Пожалуйста, – добавил он.

Все эти слова наш больной Вова проговаривал только про себя. Все дело в том, что язык, от наступившей засухи, никак не возможно было повернуть в какую бы то ни было сторону. Да, хоть ты тресни.

– Помоги мне, Боже! Прошу тебя, помоги! Я тоже тебе когданибудь помогу. Да, что же я такое несу-то... Прости, прости дурака, Господи! Дай мне, хоть немного облегчения... Все вытерплю, лишь бы не сдохнуть скоропостижно! Прости миленький, прости хорошенький! О, мой боженька! Блин, опять чушь несу... С утра уже молюсь тебе, Божечка! Не буду больше... Вот истинный крест, не буду... Только прости! Направь на путь истинный, Господи... Го-о-оспо-о-оди-и-и! – И так, до полнейшей бесконечности.

Хоть воззвания эти были и мысленными, но, тем не менее, могло показаться, что они достаточно громко звучали по всей бахче. Энергия, собравшаяся вокруг злополучного места, сгруппировалась настолько сильно, что показалось, будто даже переворачивались арбузы.

Вова с неимоверным усилием воли встал на непослушные ноги и, тяжело передвигая ими, побрел в сторону бахчи...

– Только бы дойти... Только дойти, – шипел себе под нос бахчевник. – Фу, наконец-то...

О, это было, действительно, просто великое счастье! Впереди показались те самые полосато зеленые, удивительные и спасающие в очень трудную минуту ягоды. От внезапно прилетевшего волнения, Владимир споткнулся и, с чувством независимости от центральной нервной системы, вновь грохнулся на колени.

– Ну, ничего, я уже у цели, – подумал он, и стал уверенно перемещаться на всех четырех конечностях.

Тут еще, как назло ветка огромная за сползающую штанину зацепилась. Некоторое время нога пыталась спихнуть попавшееся на пути препятствие, но потом плюнула на это дело и стала усиленно трудиться для достижения цели в намеченном маршруте.

– Ох... У-у-ф-ф... – пыхтел бахчевник.

Владимир дополз до ближайшего самого большого, а значит самого вкусного арбуза. Рука – убийца нетерпеливо вздернулась над головой, измученного жаждой человека. Она, вместе с кулаком, с невероятной силой обрушилась на красивое и зеленое чудо. Чудо раскололось пополам. На свет Божий сверкнула сочными красками алая мякоть с коричневыми семечками. Обе ладони, с нескрываемой жесткостью, врезались в сердцевину одной из половин обворожительной ягоды. Рот не стал кусать, он просто влез, с последующей за ним мордой, прямо внутрь сердцевины и, невероятно захлебываясь, стал всасывать в удивительный центр возжеланных возможностей легкодоступную, чудодейственную и умопомрачительную влагу.

– Спасибо тебе, о Боже! Я в вечном долгу перед тобой! – пронеслось над головой нена сытного Вовика.

Тем временем, все внутренние органы возжелали обязательного продления данного удовольствия, чуть было не перешедшего в экстаз. Они, с искренним интересом, передали в главный штаб такую просьбу, от которой мозг никоим образом не смог бы отказаться. Просьба заключалась в том, чтобы присутствующая здесь морда срочно воткнулась во вторую половину арбуза.

– Хорошо, ой как хорошо! Почти, как потрахаться! – вылетело из облепленного розоватыми ошметками, наконец, влажного ротового отверстия.

Кулак, как бы между прочим, вдарил по рядом лежащему пузатому соседу. Сосед не выдержал такого сильного напряжения и следом лопнул. Естественно, продолжились уже всем известные действия. Живительная влага стремительно неслась по всему телу, до краев

наполняя истосковавшиеся по ней клетки, тем самым принося очень большой, важный и нужный оздоровительный вклад всему изможденному от случившихся перипетий в своей совокупности организму. Далее, наш любитель сочных и сладких арбузов вдохновенно прочитал целую тираду, посвященную настоящему времени, в котором он и находился:

– Есть все же счастье в этом жестоком, сволочном и сраном мире! Несмотря, ни на какие мировые передрыги, кризисы и катаклизмы, но счастье, пусть такое маленькое, в таком маленьком месте, но есть. Во поперло-то, а то Господи, да Господи... Какая только ерунда в пьяную и дурную башку не придет.

Владимир встал во весь свой богатырский рост, расправил свои могучие широкие плечи и так зевнул во все свое богатырское, прожженное и луженое горло, что весь животный мир, находящийся поблизости, содрогнулся и несколько притих, в ожидании непредвиденных катаклизмов. Вова, с усилием подтянул замусоленные от ночных передрыг штаны, которые почти полностью сползли с богатырской задницы. Затем, сломав и выкинув кусок дерева, разодравшего одну из штанин, он вытер рукавом свою невоспитанную наглую физиономию и пошел подыскать еще пару арбузов. Искать пришлось не долго. Перед довольным, от предыдущей истории лицом, как раз предстало то, что нужно.

– Жадность фраера погубит, – подумал Владимир, но все же взял в руки два здоровенных полосатых кавуна.

Взял и понес... Но понес не совсем далеко. Уж, очень тяжеловата оказалась эта пузатая ноша. Пройдя половину пути, он бросил один из арбузов. Что-то голова закружилась, в глазах слегка потемнело, и тошнота не вовремя подкралась. Причем, как-то по свински, словно притаилась до этого момента где-то и ждала удобного случая, чтобы застигнуть врасплох, особенно после съеденных арбузов. Володя небрежно пнул в сторону, брошенный на землю кавун и помчался за вагончик.

– Господи, Господи! – раздавалось вдоль сосновой полосы. – Господи, помоги! Помоги миленький! Во век не забуду твоей доброты!

Володя вышел из-за вагончика очень бледный и ужасно огорченный. Опять пробил фонтаном пот, уши заложило тонной ваты, из глаз текли неумные арбузные слезы. Слезы, мутными потоками стекали к отвисшему от верхней челюсти подбородку.

Тем временем, все выше и выше вставало солнышко, приподнимаясь над сосенками, неумолимо предвещая погожий и теплый денечек. При этом оно непринужденно, неприхотливо, но все же внимательно всматривалась в сторону бахчи. Солнышко по-своему оценивало все происходящие события на не простом солнечном пути. Дойдя ядерным взглядом до места нашего рассказа, доброе светило очень мило, но по доброму заулыбалось и, как бы невзначай, покрутило одним из своих прелестных лучиков у своего солнечного виска.

Слегка оправившись сторож, Вова, вытер слезы и подтянул вновь сползающие штаны. Он тут же направился к самодельному умывальнику, сделанному из пластиковой бутылки и прибитому к сосне. Ведь с самого утра очень даже замучили вот эти самые сложные передвижения по пересеченной местности, но его героическая натура, направленная на борьбу с любым злом, помогала справляться с какими бы то не было трудностями, препятствиями и преградами. По пути Вова мельком, как бы украдкой, только одним глазком взглянул на начинающее красоваться солнце.

– Ты еще тут не каркай, на хрен! – Разинул рот Вова и непредвиденно запнулся за торчащую из земли корягу.

Он тут же потерял равновесие и так смачно грохнулся об землю, что все кишки приняли свой первоначальный вид, то есть вывернулись в обратную сторону.

– Накаркало, сука! – заорал Вова и незамедлительно посмотрел по сторонам и вверх, на всякий случай, да чтобы снова не прибило.

Потирая без всякого на то удовольствия ушибленные места, Владимир подошел к заветному умывальнику.

– Ох, ух, ах хорошо! – побряхтывал Володя во время умывания.

После окончания водных процедур, он снял с ветки не совсем свеженькое, я бы сказал совсем не свеженькое, полотенце, которым насухо вытер лицо, шею и руки.

– Тук-тук-тук... – раздалось с верхушки дерева.

– Дятел, – подумал Вова.

– Сам ты, дятел, – подумал дятел и перелетел на другую ветку, мертвой хваткой закрепившись около ствола.

Да, это был настоящий живой дятел с красной шапкой на башке. Причем так близко, что можно было рассмотреть его со всех сторон.

– Тук-тук-тук, – долбило пернатое чудо, не обращая никакого внимания на сторожа – алкоголика.

– В какой красоте живем и ни хрена не видим, – вздохнул Володя.

Рядом с вагончиком стоял вкопанный в землю столик. Это место еще в позапрошлом году было подготовлено местным председателем колхоза. Рабочие притащили вагончик и оборудовали место стоянки. Это было сделано для того, чтобы их непосредственный начальник, тут на природе, изволили отдыхать и лопать в свободное от работы время водку. А вообще председатель, насколько я знаю, был неплохой. По крайней мере, не наворовал на всю оставшуюся жизнь, как это делали, в основном, все остальные председатели.

– Какой, блин, беспорядок. С ума сойти...

Вова, покачиваясь, подошел к скамеечке, два раза икнул и бухнулся на нее. Держась, дрожащими руками за краешек стола, он начал внимательно осматриваться по сторонам.

– С ума сойти, что тут было?

Фразы вылетали с языка одна за другой, но от этого лучше не стало. Кругом, куда только хватало глаз – бутылки, бутылки и снова бутылки. На столе бутылки, и под столом. Причем, кроме пустых, были и полупустые и даже полные. Такого обилия спиртных напитков Володя не видывал уже давненько. Наш верный сторож намеренно, отбросив все иллюзии, срочно собрался с духом. Хотя, собираться не надо было. Все шло целенаправленно, без всякой оглядки на заднее место. Под напором душевных сил рука резко устремилась вверх... В воздухе крепко щелкнули пальцы, наверное для разминки перед определенным действием. Голова наклонилась сначала в левую, затем в правую сторону и прочно уставилась в одну точку на столе. Сторож взял граненый стакан и трясущейся рукой наполнил его чуть больше половины водкой. От нервного напряжения край стакана бессистемно стучал по зубам. Но, тем не менее...

– У-у-ух, – выдохнув до самого не балуй весь воздух без всяких предисловий, тостов и оговорок, Вова жахнул все содержимое, находящееся в стакане.

Тут же, рука смахнула со стола кусок арбуза, оставшегося еще с ночи и немедленно закинула его в рот вслед за горячительной жидкостью. Во истину чудо свершилось, волшебство произошло. Оно ворвалось в Володину жизнь быстро и сокрушительно для всех недругов и недоброжелателей, принесла с собой почет и уважение к окружающей обстановке. Только что, больной на всю голову, гражданин весело посмотрел в небо, махая приветливо своему самому лучшему другу – солнышку.

– Здравствуй солнце! Здравствуй небо! Здравствуй я!

Вот и наступило, наконец-то, долгожданное мгновение, причем мгновение счастливое для Вовино организма. Хоть, Бога теперь поменьше будет вспоминать.

– Все, пока хватит. Надо немного передохнуть. Пойти полежать, о душе подумать, короче говоря, вздремнуть, – подумал Владимир, закусил, чем придется со стола, прикурил

и пошел по направлению к вагончику, смачно вдыхая вместе с сосновым лесным ароматом вонючий дым дешевых и противных сигарет.

Он выбросил половину недокуренной сигареты, отряхнул со штанины пепел и, хотел было, уже зайти в опочивальню, черт его дернул, оглянулся назад...

– Твою мать, белочка! – пронеслось вихрем в голове.

Это была не та белочка, о которой все привыкли думать. Это была настоящая, взаправдашняя белочка, удивительная лесная белка, причем в пяти шагах ходьбы. Темно рыжий окрас зверька всеми переливами играл под сверкающими лучами солнца. Беленькая, сияющая импозантно манишка, заманчиво выделялась на грудке, подчеркивая и так уже неподкупную красоту местной лесной жительницы. Белка сидела прямо на столе, на том самом месте, за которым две минуты назад сидел Володя и кушал с удовольствием, в одиночку, как последний алкоголик, водочку. Ушки у белочки интересно шевелились, мордочка то и дело интенсивно дергалась, задние лапы твердо уперлись в стол, пушистый хвост прочно зацепился за краюху черного хлеба, лежащего позади нее, а передние лапы с огромным усилием пытались оторвать приличный кусок арбуза. Жалко, что видеокамеры с собой у нашего сторожа не было. Да, такой кадр очень дорогого стоит.

– Вот дает, бестия! – прошептал наш новоявленный Дроздов.

Он притаился и, затаенно, боясь вспугнуть лесную красавицу, наблюдал за диковинным зверьком.

– Запасы себе на зиму готовит. Вон же хлеб лежит, печенье, конфеты, консервы, колбаса. Нет, видите ли, ей кавуна подавай. Вот, зараза рыжая! – любовался Володя, боясь, лишний раз пошевелинуться.

Белка, тем временем, оторвала себе заветный кусочек лакомства и вместе с ним начала аккуратно взбираться на близстоящее здоровенное дерево. Пьяный любитель животных стал подкрадываться, дабы не пропустить ничего интересного. Легонечко ступая по земле, чтобы не хрустнула ни одна веточка, он подошел вплотную к месту наблюдения и стал всматриваться вверх. Увиденное превзошло все непредсказуемые ожидания. На всех ветках, которые более или менее были по-мощней, начиная от ствола, находились целые залежи продовольствия, причем со стола, поставленного под деревом.

– Вот, сучка, воровка драная! А я арбузы, почему она только арбузы? Да, тут на случай ядерной войны запасов сложено. Я вместе с ней любую зиму не голодая проживу, – ворчал наш верный наблюдатель за пушистыми белками.

И, действительно, на дереве было все: и хлеб, и колбаса, и печенье с конфетами, и даже макароны, но больше всего занимали место, конечно, арбузы.. Их было видимо невидимо: на разных высотах большие куски и маленькие, и уже засушенные, и на половину, и, конечно, свежие, только что принесенные. Чудо белка водрузила в веточную расщелину очередную украденную добычу и, увидев непрошеного посетителя, перепрыгнула на соседнее дерево, поскакав с ветки на ветку по своим беличьим делам.

– И че, я ее раньше-то не видел? – подумал Вова, направляясь к вагончику.

– А ты пей побольше, да рыгай почаще! – ответил ему внутренний голос.

– Иди вон, подонок! – заткнул Володя внутренний голос, вваливаясь в опочивальню.

– А помнишь, как ты лисят весной чуть не погубил? – не унимался вражина.

– Помню... как не помнить.

Лежа на топчане, степенно задремывая, наш герой прокрутил в нетрезвой башке ту самую картину полугодовой давности...

Чтобы унять интерес читателя, мне, как автору, тут же необходимо рассказать о том невероятном событии, случившемся весной.

Долгожданная весна! Уже была такая мысль, что и не дождемся. Но ее не зовут, не приглашают, её даже не купишь. Когда наступает время, она сама приходит. Вот и тогда нахлынула почти внезапно. Вроде бы по числам календаря примерно знаешь, что наступил период ее долгожданного царствия, но все равно, как будто вывернула из-за угла и предстала перед нами во всей своей красе. Выперлась на самый передний план в цветной коротенькой юбчонке, делает игриво реверанс и говорит:

– Здрасьте, я пришла!

Начиная с марта, ой как время бежит, как зимний снежный ком для бабы. Он тоже вначале маленький, потом накатывается, накатывается, делается все больше и больше, затем становится уж очень огромным, пока не развалится. Так и весной – солнце ярче и ярче, а значит теплей и теплей. Вот и снег уже почти растаял, оставив на память о себе небольшие клочки белизны перед посадками деревьев с северной стороны. С утра еще подмораживает, но это уже не имеет никакого значения, так как бегут со всех склонов полноводные ручьи и ни при каких обстоятельствах, ты хоть застрелись, ничем их не остановишь. Так же, как не остановишь время, которое поставило перед нами ту самую жирную точку, точку отправления весеннего развития.

Внезапно появились первые подснежники, синие пролески, которых тут же сменяют желтые и красные. Загудели пчелки, делающие первые облеты по своей территории, еще не улетаая слишком далеко от своих родных домиков. Не успели и глазом моргнуть, как зацвел тёрн, показывая нам ярко-белые блестящие на солнце великие облака нежных, очаровательных соцветий. Еще немного и абсолютно всё кругом покрывается чудесными и неповторимыми по своей красоте нежными прелестями цветочного разнообразия. Наконец, распускаются целые плантации небесно воздушных, удивительно роскошных ландышей, убедительно говорящих о том, что весна наступила окончательно и бесповоротно. При этом она даже неудержимо начинает уступать свои права, приближающемуся на всех возможных парах жаркому, но родному лету.

Весна. Налетела, забурлила! Она неумолимо принесла с собой не только тепло и нежность ласкового всеми нами любимого солнышка, красоту весеннего природного разнообразия, но и вместе со всем этим хлопоты, заботы, а также дополнительные радости, необходимые для хозяйственного благополучия и жизненного равновесия. Навалилось, завертелось, закружилось. Прискакало, нагрянуло, придавило и приспичило. Весна застала нас, как всегда, в неприличной и непристойной позе. Она ещё набирается, хамка, наглости и подгоняет, плёточкой подхлёстывает, игриво покрикивая:

– А ну, чего расселись? Ноги в руки и айда!

Ты, хоть тресни, хоть вывернись наизнанку, но не успеваешь за всё руками, а иногда ногами ухватиться, что-то доделать, сделать или переделать, что-то достать, что-то продать, кого-то догнать. При этом всё сразу, не оставляя на потом. Чем быстрее, тем больше, иначе удачи не видать!

– А я кручу, педали верчу, – раздавалось из-за полосы с многолетними дубами.

Сквозь оголенные ветки, конечно, ведь еще только начало апреля, можно было увидеть человека, который без всякого на то усилия жал на педали старенького велосипеда.

– Скорей до рощи домчаться хочу, – с нарастающим оптимизмом и очарованием от наступившей весны напевал верный друг кота Леопольда еще и посвистывая при этом. Настроение было удивительным и прекрасным, сдобренное великим природным порывом.

Солнышко, собрав все свои солнечные силы, безжалостно топило остатки снега и без всяких сантиментов превращало его в воду. Воробьи, собравшись в огромную и неутомонную крылатую толпу, изводили всю округу беззаботным чириканьем. Они носились из стороны в сторону, создавая непредсказуемую суматоху и неразбериху. Откуда-то взялась здо-

ровенная серая ворона. Эта предвестница разочарований, бед и огорчений уселась прямо напротив Владимира. Она взгромоздилась на угол сарая и как каркнет во всё своё воронье горло:

– Ка-а-р-р!

Володя непроизвольно содрогнулся и раз шесть перекрестился, хотя когда-то имел оценку «отлично» по «Научному атеизму» на госэкзаменах во время учёбы в университете.

– Вот зараза, как напугала! – сказал он, сплюнув в сторону, – Тебя-то здесь, как раз и не хватало.

Ворона буквально через секунду упорхнула навсегда, потому что очень испугалась летящего обломка, оставшегося от старых граблей. Обломок просвистел смертоносной пулей, но, к сожалению, не долетел до цели и рикошетом отскочил от стены сарая. Несколько потеряв скорость, он спланировал, словно подбитый самолет мимо стрелявшего снайпера лишь слегка расцарапав ухо.

– Да, кажись, день не задался, – подумал Владимир.

Буквально через мгновение сиюминутное беспокойство ушло на десятый задний план. А все потому, что ручейки стремительно пробивали себе дорогу, унося с собой остатки прошедшей зимы. Они, словно дети, радостно резвились на солнышке, искрились, игрались, переливались всеми цветами радуги и самозабвенно наполняли весеннее окружающее пространство чарующим журчанием. Коты ходят напыщенные и важные, осторожно через ручейки переступают, переживают за свои белые тапочки. Они еще в марте все с ума сошли. Тогда котяры точно обнаглели до неприличия: носились, как угорелые, скакали до безумия и орали до невозможности. Зато воробьи, что вытворяют, с ума сойти и не встать: в лужах барахтаются, по головам прыгают, мешают сосредоточиться.

Владимир отмахнулся от надоевших птиц и, наконец, приладил к багажнику велосипеда пустые пластиковые бутылки, которые были предназначены для живительного волшебного сока. Впереди ждала березовая роща. На машине еще было трудновато проехать, а вот на велосипеде в самый раз. И вот вам, пожалуйста, мчится Володя вдоль дубовой полосы, напевая и присвистывая всем известный мотивчик:

– А я кручу, педали верчу...

Еще немного и полоса закончилась, поворот направо... впереди осталось еще одно поле. Ветер уж очень сильный поднялся, был боковой, а теперь встречный. Крутить педали стало чуть сложнее, тем более в гору. Дыхание сбивается, песня не поется, ноги еле-еле передвигают колеса боевого коня. Вот-вот, еще чуть-чуть и...

– Стоп машина, – прошептал наш герой.

Он, аккуратно стараясь не шуметь слез с велосипеда и положил его на землю, как будто это было оконное стекло. Затем он согнулся в три погибели и затаился. Поле в стародавние Советские времена поливное было, только трубы уж давно на металлолом сдали. Один только кусок остался, не сумели его откопать. Слишком большой слой земли пришлось бы снимать. Диаметр трубы был приличного размера, голову точно можно просунуть. Труба, как бы пронизывала бугор насквозь, по краям которого выглядывали обрезанные сваркой концы. Володя подполз почти к самому краю и с раскрытым от удивления ртом стал рассматривать представшую перед ним уже полную картину.

– Ни фиги себе, – било по озадаченным мозгам.

Буквально в десятке метров резвились на солнышке настоящие лисята. Рыжие, пушистые, а до чего шустрые – четыре штуки. Двое с белыми манишками на груди, наверное, девочки, затевали двух других. Кувыркались, прыгали, чуть ли не на задние лапы вставали, как обезьяны. Словно детишки маленькие, только с ушками на макушках и воздушными хвостиками. Владимир тяжело дышал в ладонь, которой прижимал рот, чтобы не выдать сво-

его присутствия. Ветер, хороший помощник, дул как раз на него, тем самым помогая быть незамеченным. Промелькнула мысль, подползти еще ближе, но тут в воздухе повис вопрос:

– А лиса-то где? Где мамочка, че она детишек-то своих так вот просто бросила?

Вдруг один лисенок помчался в сторону.

– Оп-па, вот она!

Всего лишь в метре от своих деток, греясь на солнце, и попутно охраняя свое потомство, возлежала лисица. Казалось, что ей все по барабану, но нет, нос постоянно был на стреме – по ветру, а уши, словно локаторы противоракетной обороны ежесекундно поворачивались на сто восемьдесят градусов. Она нехотя дала лапой под зад подбежавшему лисенку и тот помчался обратно к своим собратьям.

– Как бы еще поближе, – проговорил про себя Володя и сделал одно только малозначительное движение...

– Вжи-и-их! – лиса в одну долю секунды подняла голову и детишек, будто ветром сдуло в торчащую из бугра трубу.

Мама, удостоверившись, что враг налицо немедленно последовала за ними.

– Твою мать, – разозленный сам на себя прошипел сквозь зубы наш неудачливый охотник. – Ты гляди, какая умница, надо же сообразила, где дом себе устроить и нору рыть не надо. Цивилизация... Скоро в квартирах будут жить с телевизором и ванной.

В это же время в голове разыгрывался целый шахматный дебют:

– Ведь труба о двух концах, значит если один перекрыть доступным материалом, то через другое отверстие можно, в прямом смысле этого слова, выкурить их с места лисей дислокации.

Всесильный и всемогущий азарт затмил все эмоции. Владимир быстро сориентировался: освободил сетку и обвязал ею конец трубы. Образовался мешок – ловушка. Возле другого конца он соорудил небольшой костерок, благо ветер, как раз направлял дым прямо в трубу. Все происходило на полном автомате, не думая и не осознавая, на, внезапно пришедшем, охотничьем инстинкте. Ну, очень захотелось поймать живого лисенка и привезти его домой. А зачем? Этого не знает никто. Просто захотелось потому, как царь природы – что хочу, то и ворочу. Дым, тем временем, неумолимо проникал в трубу. Вовка с другого конца ждал появления добычи. Пять минут, десять... – никакого результата.

– Да что ж такое-то? – не знал, что делать, Владимир.

– Ба-ах! – на огромной скорости вылетела из трубы лиса и прямо в костер...

Она сбила пламя, вспыхнула сама, перекатилась, потушив огонь и... замерла. Володя еще не понял толком, что случилось, но к горлу все настойчивее подкатывался громаднейший ком непонятного волнения, но предвестника полнейшего ужаса. Володька подошел к лисице и, с нескрываемым чувством омерзения на самого себя, пнул по лежащей лисе. Она даже не шелохнулась, только выпучила затуманенные зрачки и высунула язык сквозь раскрытую пасть.

– Боже, что ж такое то? Что ж я натворил-то? – непрестанно било по голове, пока Владимир осматривал со всех сторон злополучную трубу.

Лисят не было.

– Задохнулись, – пришло запоздалое озарение в Вовкину голову.

Он еще некоторое время бегал вокруг бугра, уже не видя ничего вокруг.

– А-а-а-а! – дикий, невозможный крик моментально достиг неба и с оглушительной скоростью упал вниз.

Энергия, собравшись вокруг этого места, сгруппировалась настолько сильно, что помчалась мощной волной через все поле. Волна, долетев до ближайшей лесной полосы, оттолкнулась от естественной преграды и, с невероятной скоростью, двинулась обратно,

тут же сбив с ног сходящего с ума человека. Мозги, получив не знавший ранее вкус истерики, стали с особым остервенением и жестокостью бить Вовкино лицо о землю.

– Скотина! Что ты наделал? – кричала его поруганная душа..

Володя никогда в своей жизни не плакал. Он не плакал даже, когда умер его отец. Он не плакал по многим поводам, когда даже родные впадали в отчаянье, когда самому приходилось очень плохо в этой жизни. Он даже не помнил когда плакал маленьким ребенком. Сейчас Вовка рыдал. Слезы бескрайним океаном размывали чернозем на жалком лице уже совсем немолодого мужика.

– Ты же их погубил, сволочь! Я убью тебя! – повторялось горько, с надрывом и бесконечно.

Не знаю, сколько прошло времени, но наступил момент, когда Владимир затих и стал медленно подниматься. Он вытер рукавом грязное, опухшее от слез лицо и сделал шаг по направлению к обрыву в яр. Я не знаю, что было бы дальше, но проходя мимо потухшего костра, мимолетный взгляд отметил, что мертвая лиса отсутствует.

– Не понял, – пробормотал Владимир.

Осмотревшись, как следует по сторонам, он особое внимание уделил оврагу. Глянув вниз, Володя снова чуть не сошел с ума. Из-за росшего на дне куста вышагивала та самая, дохлая плутовка, а за ней...

– Раз, два, три, – нервно, теребя пальцами горячее ухо, считал Володя. – Четыре!

Вовка повалился на спину и второй раз в жизни заплакал, только уже от неимоверного счастья, что его так ловко провели.

Глава вторая

Пока наш Вова отдыхает и поправляет свое драгоценное здоровье в безмятежном сне, мы ненадолго перенесемся в село, где живет его друг, Виктор Иванович. Накануне, на бахче они, как не подобные и бессовестные жители нашей многострадальной и героической Родины, нажрались горячительных, приводящих к свинячьему состоянию напитков. Кроме всего прочего, двое безобразно подвыпивших коллег, по своему образу, поведению и, конечно, состоянию, незаметно как, оказались в станице Казанской. Хотелось лучше, но получилось как всегда... Казачки были до глубины души обижены непристойным поведением новоявленных женихов, которых, как говорится, можно было бы самих того самого... А как коллеги добрались до дому, одному только Богу известно. Володя оказался в своем любимом вагончике, а Виктор Иванович с невозмутимым видом приперся в родную хату. А ведь можно было бы и на бахче остаться. Но мы не ищем легких путей.

Очень много воды утекло с тех древнейших пор, когда стихийно, но в то же время и направленно образовывались здесь населенные пункты. Много видывал на своем веку батюшка Дон, много радости и огорчения, много веселья и забот, но больше всего и чаще всего, постоянно текущих, вдоль берегов гостеприимной реки, людских слез и крови.

После войны 1812 года царем Александром Первым, за успешные и героические победы над французами, за ратные смелые, пером неопишуемые подвиги казаков, были подписаны очень ценные и значительные как для тех, так и для нынешних времен бумаги. Казакам, безропотно отдававшим свои героические жизни – за Веру, Царя и Отечество, были дарованы замечательные, очаровательные, просто неопишуемые красоты земли. Привольно жилось до этого момента беглым холопам из русских земель и хохлам из близлежащей Украины, на ставших родных берегах Дона. Тут же образовалась неприступная и, в то же время, гостеприимная казачья станица. Каких-то восемьдесят лет прошло с тех пор, как лила в батюшку Дон свои горькие слезы казачка Аксинья, а всего в ста верстах от неё, под Колодезями, строчил неистово из пулемёта Гришка Мелехов по наступающим отрядам матросов. Долго потом черные пятна бушлатов, раскиданных по окровавленному снегу стояли перед его глазами мучительной безнадёжностью того страшного исторического периода – братоубийственной гражданской войны. Село Богомолowo было образовано старообрядцами, переселившимися из Каширы, что находится под Москвой. Это село, после того, как пьяные казаки порубили в пух и прах плохо-вооруженных матросов, было переименовано в Красный флот.

А много-много лет до этого, люди, для которых родным языком стал суржик (смесь русского и украинского языков) обустроились совсем недалеко от станицы Казанской и обосновали хутор Дедовка. Междоусобица, вражда, мордобой и смертоубийство с течением исторического времени, заставило враждующие стороны разделить между собой места для своего будущего проживания. Уже в Советские времена вплотную к Дедовке организовалось село Глубокое, на основе которого был создан колхоз – «Тихий Дон». Между Казанкой и Глубоким была установлена прочная межа, символизирующую границу между Ростовской и Воронежской областями. На правом крутом берегу Дона простирались бескрайние и необжитые степи. На левом берегу обозначились лесистые местности, но не очень широко. Далее кругом, куда не посмотришь, был сплошной, страшный и несокрушимый песок – настоящая пустыня. После Великой Отечественной Войны, большевики вплотную занялись, этими пустующими, не приносящими никакой пользу, землями. Кроме этого, на данном месте происходили ужасные, немыслимые и просто фантастические песчаные бури. Пыль и песок, грубо говоря, дико наступали на Воронежский чернозем. В срочном порядке была органи-

зована посадка соснового леса, неприхотливого к засухе и песку. Так же были образованы и сосновые полосы, обрамляющие поля, на которых сейчас в основном сажаются арбузы.

Никогда Владимир не забудет, как бывший парторг местного колхоза под бутылочку, да под хорошую закусочку, много чего ему поведал: и про плохое и про хорошее, про жизнь свою и людскую, про войну, как стояли итальянцы на той стороне Дона, про разруху и голод, принесшие непосильные и невыносимые страдания, про большевиков, которые проводили позорное и беспощадное раскулачивание. Хоть и сам был парторг, но настоящий и правильный... Очень-очень был удивлен Володя, когда увидел у него в сарае, сияющую небесным светом и издающую какую-то неопишемую, непередаваемую энергию, икону Серафима Саровского. Этот пыльный сарай предстал перед посетителями всеми своими покосившимися стенами и с провисшей по углам паутиной. Он впустил их внутрь с просевшим от времени потолком, с его не устроенностью от наваленного мусора. Этот ветхий сарай, тем самым, как бы символизировал наше разрушенное и разбитое в пух и прах общество. В начале большевиками, а затем и новоявленными демократами, давшим полную и окончательную свободу вора, мошенникам и бандитам всех мастей. Это убитое, нещадно временем, помещение показывало, что из себя, представляет в настоящий момент наша бедная, разоренная и изнасилованная в самых извращенных формах Россия. Слезы навернулись от явившегося перед Володей очаровательного и наполненного глубоким смыслом явления, из которого милостиво исходил божественный лучезарный и таинственный, просто неописуемый свет. Святой Серафим, как бы выходил к зашедшим представителям от современного общества на встречу из рамок ярко-синего фона иконы и, обещающе, давал понять, с пронизывающим взглядом и указующим жестом, что еще не все потеряно, что ещё Бог простит, что ещё надо искренне верить в истинное светлое, правильное и правдивое будущее.

Виктор Иванович всегда был наделен отменным прагматическим и выдвигенческим умом, с помощью которого, конечно же, усиленно старался, по мере своих утонченных способностей, быть как можно ближе к руководящей силе, ведущей нас к фальшивому будущему. Будущий водитель по бездорожьям застоявшегося развитого социализма был направлен в высшую школу коммунистического аппарата, обучающей молодое пополнение большевиков, как правильно одурачивать и облапошивать, посредством тупиковой идеологии, наше уже почти не думающее общество.

Конец семидесятых и начало восьмидесятых – время полнейшего разгула и беспредела в комитетах комсомола. В партийных органах все-таки было немного строже, а молодые распускались во всю Ивановскую. Чувствуя свою полнейшую безнаказанность и вседозволенность, они впадали во все тяжкие и непростительные мирские грехи. Серьезные собрания различных бюро и комитетов шли в одну ногу с пьянством, разгильдяйством и беспорядочной половой жизнью. Особенно это красиво высвечивалось в крупных городах. И чем выше власть, тем страшнее и наглее был беспредел... О, это были те самые зачинщики новой России, плоды которых мы пожинаем в настоящем будущем. Виктор Иванович, как один из самых сообразительных членов, очень стараясь выдвинуться на любую руководящую работу, с горем пополам приблизил свое колхозное существование к более или менее приличной жизни. Учеба проходила легко и беззаботно... В голову ничего не лезло, но не смотря на пустоту в несовершенных мозгах, сессии проходили правильным курсом, единым порывом, с применением всевозможных и невозможных ухищрений и, конечно, с получением всех нужных зачетов. В перерывах между не учением наши будущие партийные руководители предавались разным развлечениям, насыщая тем самым, любыми путями, свою неограниченную похоть. Но, тем не менее – что сделано, то сделано. Стал Виктор Иванович парторгом. Бедная Вера, сколько всего она пережила. Как она всегда говорила: «В войну, наверно, лэшше було...» Сколько он ее бедную терроризировал, сколько на ее бедную голову нагонял тоску, сколько всего она от него вытерпела. А как, одному Богу известно. Но известно точно

и официально, что не раз женщина рубила топором шины на колесах родного москвича, когда ненаглядный возвращался с очередной попойки, что не раз Вера встречала своего благоверного с ружьем из окна, когда Виктор возвращался с очередных гулянок. Конечно же Виктор Иванович немного остепенился, стал намного меньше выпивать и ходить на сторону. Хотя и сейчас, изредка, но все же услышишь на улицах села:

– Колышь ты, кобель, об чужих бабив натрэся. Всю жизнь мою пропыв!

Утренняя прохлада осени... года...

Не редкий в этих краях туман, словно пушистое одеяло, нежно и бережно окутал реку, по родному прихватив обрамляющие берега Великого Дона. Вот и сейчас, он совершенно непринуждённо, но с особым интересом вплотную подошел к границам села. Солнышко уже давно проснулось. Оно с некоторой строгостью и правильностью осматривало владения, которые оставил на его попечение сменщик месяц, ушедший на временный покой. В центре села Глубокое в калошах на босу ногу сидел возле летней кухни, поеживаясь от идущего с Дона легкого ветерка, Виктор Иванович. Он пустыми бессмысленными глазами осматривал окружающее его пространство. Невооруженным взглядом сразу было видно, что человеку совсем ни до кого и ни до чего. Что в душе у него творится очень даже что-то неладное. В данный момент он был готов, я бы сказал, пойти на любую крайность. Виктор Иванович непроизвольно скрестил на груди руки. Прижимая плечи к своей шее, наш герой целеустремленно направил свой мрачный и дикий взор на единственную цель, находившуюся во дворе...

От крыльца дома и до крыши летней кухни была протянута прочная бельевая веревка. Не думайте про плохое, Бог с вами. Веревка была пустая, за исключением одной вещи – осеннего пальто. Вера давно уже просила по человечески, по доброму купить ей одежду на осень, потому что выйти в люди было уже совершенно не в чем. И вот вам, пожалуйста, сбылась мечта нашей Веры! Вот вам – наимоднейшее пальто, причем наивысшей пробы и наилучшей расцветки. Вот оно висит прямо посередине двора, на крепко натянутой веревке.

Виктор Иванович непроизвольно икнул, почесал правое предплечье и, с удушающей, скребущей через весь позвоночник грустью, взглянул в очередной раз на висевшую перед ним, только вчера купленную вещь.

– Да-а-а, – только и было услышано.

«Да-а-а» – надо было говорить еще ночью, когда мочевого пузыря Виктора Ивановича надулся до такой степени, что уже начал говорить человеческим голосом и, с огромным усилием, подталкивал к краю кровати своего, в доску опупевшего хозяина. Опупевший хозяин кое-как перевернулся на бок и очень-очень больно стукнулся об деревянный пол.

Виктор Иванович из последних сил собрал горстку своего законченного мужества и, опершись на колено, стал приподниматься. Пол почему-то пошел наверх, затем стал внезапно опускаться вниз, а временами просто уходил в свободное плавание. Наш герой собрал всю свою железную волю в кулак и направился на выход из дома. Дверь с большим трудом поддавалась неумной воле нашего беспрецедентного товарища, выпустив наружу все невероятное нетерпение и полную готовность, истосковавшегося по хорошему обращению организма. Виктор Иванович, с превеликим удовольствием и с громадным напором, стал изливать скопившуюся жидкость прямо с крыльца. Струя была настолько сильная, что сбила бы любого, вставшего на ее пути, а может еще и убила при этом.

– Слава Богу! Ийшов... – пронеслась благодатная, хохлячья мысль в голове нашего героя.

Виктор Иванович, трезвея прямо на глазах, застегнул штаны, которые не снимал еще с вечера, и стал поворачиваться на сто восемьдесят градусов. Только теперь, в пьяной и безмозгой башке стали проблескивать намекающие на очень плохие последствия мысли...

Крыльцо оказалось не крыльцом, а обычной комнатой, из которой он так и не смог выйти под напором своих алкогольных чувств. Дверь, которую Виктор Иванович так долго пытался открыть, оказалась не входной дверью, а дверью в почти новый лакированный шифоньер. В нём до этого времени безмятежно висело и ждало своей никчемной судьбинушки новое Верино пальто.

– Спокойной ночи! – сказал ему шифоньер, так же на хохлячьем наречии.

Черные тучи мрачных и горьких мыслей обволокли больную голову Виктора Ивановича. Он находился в полнейшей растерянности и неразберихе. Кроме всего этого, отсутствие душевного равновесия напрочь изгнало от него радость, покой и чувство достаточного удовлетворения.

– Шо мэ пэрь робыть? Ума нэ пэриложу... – хныкал он, оплакивая свою полнейшую безнадежность. – Тикать надо... ой тикать! Щас пийдэ мое чудо коровэньку доыть и придэ минэ огромнойе щасье!

«Щасье» немного под задержалась. По всему было видно, что она придет несколько позже. Вера вышла уже после того, как рассеялись клубы дыма от только что отъехавшего москвича. Она с глубоким чувством бабской истерики помахала кулаком всему белому свету и загромыхала ведром по направлению к стоящей на прибайнике корове.

– Попробуй ико вернысь... Гадина! Убью зараза! Сволочь!.. – и далее, уже по-русски доносилось из-под струй молока, ударяющихся об эмалированное дно десятилитрового ведерка.

– Ик... ик. – доносилось глубокое и даже с выражением икание из кабины, несущегося по селу на всех своих возможных и невозможных парах автомобиля. – Мабуть, ктось вспоминае, – думал Виктор Иванович.

Глава третья

Какая, все таки, удивительная и чудесная, просто прекрасная пора наступила. Пора всеобщего расслабления – время сторожить арбузы. Это такое замечательное, очаровательное и просто обалденное время, когда можно совершенно не думать ни о чем и ни о ком. Все дела, заботы и проблемы внезапно и стремительно, с быстротой молнии уходят на задний план, давая свободу и волю чувствам, способствующим полнокровно проявиться всем невозможным желаниям, возникающих в анналах свободолобивой, нежной и чувственной души...

Утренняя прохлада осени... года.

Возле вагончика, стоящего на опушке сосновой полосы, с каким-то невероятно скверным грохотом и треском промчался гусеничный трактор. Через несколько секунд трактор встал, как вкопанный. Ему наперерез выскочил, не известно от куда взявшийся УАЗик. Из открывшейся двери, будто из шахты для ракет с ужасными ядерными боеголовками, вылетел председатель колхоза. На лбу председателя была написана неопикуемая ярость, которая превратила лицо в перезрелый, очень-очень насыщенно красный помидор. Скулы с таким невероятным усилием ходили взад и вперед, что со стороны могло бы показаться, будто перед нами колоссальные мельничные жернова. Председатель, словно стрела, выпущенная из арбалета, подлетел к кабине, вскочил с легкостью двадцатилетнего юноши на гусеницу железного коня и, с нескрываемым усилием, вытащил за шкуру, упорно сопротивляющегося тракториста. На лице тракториста была гримаса полнейшего и неопикуемого ужаса, хаоса и паники.

Пред, держа одной рукой за отрывающийся воротник, другой рукой, прямо с разворота, словно заправский боксер, нанес сокрушительный удар, да прямо в глаз бедному колхознику. Бедолага, сделав невероятный кульбит, отлетел в сторону. А кулак, я вам скажу, был чуть поменьше арбуза.

– Шожь ты, нехристь, опять соляру на водку менять приихав? Ах, ты, сволочь! Хрен бычачий тоби, а не зарплата! Убью, скотына! Убью, срань колхозна! – раздавалось по округе.

– Ой, просты барын, взыкодушно, – чуть было не выдали уста приподнимающегося тракториста, но он вовремя опомнился и промямлил следующее: – Отпусты, ради бога, бивш нэ повторыться!

– Валы от сэдова, падла... Ще раз, гадина, я тоби туточки побачу, пэняй на сэбэ, – сказал председатель, потирая ушибленный кулак.

Он повернулся кругом и, смачно сплюнув, направился в сторону вагончика. От такого, неслыханного в этих тихих местах шума, конечно же, проснулся Владимир. Он, потирая глаза, стоял около стола и, с нескрываемым удивлением, наблюдал за происходящим спектаклем, действующего театра на колесах. Председатель, вальяжной морской походкой, словно всю жизнь прослужил на парусном корабле, подошел поближе и протянул вперед свою здоровенную лапищу.

– Вовка прывет! Скоро сниг пыйдэ, а ты всэ дижурышь... – сказал председатель, и крепко, с каким-то только ему одному присущим уважением, пожал руку бахчевника.

– Здравсье, здрасте! – ответил на приветствие Вовка. – Поздно вато посадили. Аж, в конце мая. А они вымахали все как один. Просвета земляного не видать.

Володя почесал затылок и всматриваясь в даль, продолжил начатую тему:

– А полностью еще не поспели. Вот и приходится тут одному время коротать.

– А чежь, не продал ни одного? – спросил председатель.

– У меня целиковая, еще не тронутая бахча, да вон и у тех ребят, что приехали из Ширияева... Во-о-он, МАЗДА стоит, на том конце поля.

– А-а-а! Цэ та сволота, якы у моих мужыкив соляру на водку мэняць вздумали? – перебил Володю пред. – Ну суки, я их щас побачу... Бизнесмены хреновы! – пригрозил, показывая мощный кулак – кувалду, начальник местного колхоза.

Он присел на краешек скамейки с таким видом, с таким настроением, я бы сказал, что с нагловатой напористостью, которое непременно указывала на то, чтобы его тут же хорошенько угостили. Вова, ни слова не говоря, налил тут же водки себе в небольшую стопочку, а своему напарнику полный граненый стакан. Затем он, с нескрываемым удовлетворением, ведь появился, наконец-то, собеседник, пододвинул надкусанную палку полу копченой колбасы.

– Расстроився от шириявцев. Ну, давай нервы хочь трихо пидличим, – сказал председатель, опрокинув полнехонький стакан в свой огромный председательский рот.

Затем, он рывкнул, крякнул и положил туда же, почти все палку колбасы. Буквально, секунду погодя, провалилась в брюхо остальная ее часть.

– Вот, блин, дает! – подумал про себя Володя. – Мне бы ее на два дня хватило, – причитал он про себя.

Вова вылил внутрь своих возможностей, причитающуюся ему дозу и закусил небольшим кусочком арбуза.

– Вкусная, наверное, колбаса-то? – виновато спросил он.

– Ежели чисно, ни хрена не разобрал... Плесни ще пив стакан, да пойду, – ответил самоуверенный коллега по употреблению крепких спиртных напитков и при этом ну ни сколько не смутился.

Дело было сделано и председатель, не подавая ни малейшего вида на то, что он только что уфигачил почти целую бутылку самогона, и что самое обидное, умял в полприсеста батон колбасы, причем без хлеба, пристально вглядываясь в противоположную сторону поля, подошел к машине. Небрежно пнув ногой по колесу, он ввалился в салон автомобиля. Не спеша, вставил ключ в замок и рванул в сторону Ширияевских бахчевников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.